

ОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЛЮТЕР»): ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

О.В. Кулешова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kuleshova.o.v@gmail.com

Аннотация: Христоцентричная философия Мережковского лежит в основе его эмигрантского творчества. Христос в его понимании — величайшая Личность в истории, соединившая Божескую и человеческую природу, вершина философской концепции писателя, начало всех его культурных и философских построений. Сравнительный анализ фрагментов романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и романа-биографии «Лютер» Д.С. Мережковского позволяет сделать выводы о наследовании Мережковским идей Достоевского в осмыслении исторического христианства, отношения к католической церкви, понимания философской категории свободы, вопросов социального устройства общества, опасности создания тоталитарного атеистического государства. Отвечая на вопросы: «Что такое Церковь? Что такое Христос? Что такое Личность?» — Мережковский идет по пути преодоления традиционной романной формы, предвосхищая «смерть» романа XX столетия. Образ Лютера нужен Мережковскому для воплощения собственных идей о приближении Царства Божия в Третьем Завете Духа-Матери и создании экуменической Церкви, понимании Личности Христа. Но приближаясь к жанру философского эссе при описании духовного портрета Лютера, писатель остается в рамках художественного осмысления действительности, создает художественный образ, используя поэтические фигуры языка, прибегая к развернутым сравнениям и метафорам, апеллируя к ассоциативному мышлению. Создавая художественный образ Лютера-реформатора, Мережковский использует реальные биографические факты его жизни, преследуя цель не просто воссоздать духовный облик значимой исторической фигуры, но обосновать ее надмирное и внеисторическое значение, опираясь на художественную ткань повествования. Роман Мережковского далек от традиционной формы биографического и исторического романов. Это жанр романсированной биографии, «единственный в своем роде Мережковский», как говорили о нем современники.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский; эмигрантское творчество; осмысление христианства; традиции Ф.М. Достоевского; преодоление традиции; преодоление романного жанра; жанр романсированной биографии

Для цитирования: Кулешова О.В. Осмысление христианства в эмигрантском творчестве Д.С. Мережковского (на примере романа «Лютер»): традиция и ее преодоление // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 201–212.

COMPREHENSION OF CHRISTIANITY IN D.S. MEREZHKOVSKY'S EMIGRANT WORK (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL *LUTHER*): TRADITION AND ITS OVERCOMING

O.V. Kuleshova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; kuleshova.o.v@gmail.com*

Abstract: Merezhkovsky's Christ-centered philosophy lies at the heart of his emigrant work. Christ in his understanding is the greatest Person in history who united the divine and human natures, the pinnacle of the writer's philosophical conception, the beginning of all his cultural and philosophical constructions. The comparative analysis of fragments of the novel *The Brothers Karamazov* by F.M. Dostoevsky and the novel-biography *Luther* by D.S. Merezhkovsky allows us to draw conclusions about Merezhkovsky's inheritance of Dostoevsky's ideas in comprehending historical Christianity, attitude to the Catholic Church, understanding of the philosophical category of freedom, issues of social structure of society, the danger of creating a totalitarian atheistic state. Answering the questions: What is the Church? What is Christ? What is Personality? Merezhkovsky follows the path of overcoming the traditional novel form, anticipating the "death" of the novel of the twentieth century. Merezhkovsky needs the image of Luther to realize his own ideas about the approach of the kingdom of God in the Third Covenant of the Spirit-Mother and the creation of an ecumenical Church, the understanding of the Person of Christ. But approaching the genre of philosophical essay in describing the spiritual portrait of Luther, the writer remains within the framework of artistic comprehension of reality, creates an artistic image using poetic figures of language, resorting to extended comparisons and metaphors, appealing to associative thinking. Creating an artistic image of Luther the Reformer, Merezhkovsky uses real biographical facts of his life, pursuing the goal not just to recreate the spiritual image of a significant historical figure, but seeks to substantiate his supra-worldly and extra-historical significance, relying on the artistic fabric of the narrative. Merezhkovsky's novel is far from the traditional form of biographical and historical novels. It is a genre of novelized biography, "the only Merezhkovsky of his kind", as his contemporaries said of him.

Keywords: D.S. Merezhkovsky; emigrant creativity; comprehension of Christianity; traditions of F.M. Dostoevsky; overcoming tradition; overcoming the novel genre; genre of the novelized biography

For citation: Kuleshova O.V. (2024) Comprehension of Christianity in D.S. Merzhkovsky's Emigrant Work (On the Example of the Novel *Luther*): Tradition and Its Overcoming. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 201–212.

Имя Д.С. Мережковского связано в сознании русского читателя с символизмом в литературе Серебряного века. Дореволюционные произведения писателя исследованы достаточно подробно. Много внимания уделялось филологической наукой знаменитой трилогии «Христос и Антихрист» и сочинению «Л. Толстой и Достоевский». Мережковский воспринимался как писатель, следовавший традициям символизма и интегрировавший ницшеанские идеи в собственную философию.

Эмигрантское творчество писателя, оторванное от российской аудитории долгие годы вследствие исторических причин, вернулось в Россию достаточно поздно. Первым отечественным издателем Мережковского в 90-е годы, выпустившим полное собрание его эмигрантских сочинений, стал главный научный сотрудник ИНИОН РАН А.Н. Николукин. Тексты Мережковского вернулись к российскому читателю, но в силу сложности, насыщенности философскими и богословскими цитатами, неясности жанровой специфики так и остались неизвестными широкой массе отечественных исследователей. Современные исследователи делали попытки определить жанровую специфику позднего творчества писателя, опираясь на отдельные произведения эмигрантского периода. Среди огромной массы научной литературы, посвященной Мережковскому, подобных работ не так уж и много. Можно выделить статьи В.В. Полонского [Полонский 2005; 2008; 2016], В.М. Толмачева [Толмачев 2018], Е.А. Осьминой [Осьмина 2023], А.В. Дехтяренко [Дехтяренко 2020], М.Ю. Игнатьевой (Оганисьян) [Игнатьева (Оганисьян) 2021], так или иначе касавшиеся этой темы. О неуловимости жанра книг Мережковского периода эмиграции пишет В.М. Толмачев в статье, посвященной книге «Наполеон» (1927). «Конечно, это и не роман, и не биография, а некое синтетическое мистериальное сочинение. Оно вышло из-под пера символиста, который меняет местами историю и поэзию, то есть об истории пишет своего рода стихи, и стихи порой по-символистски темные. <...> Историк в его восприятии всегда сочинитель, а исторический факт в этом случае всегда и метафора (материал, преобразенный воображением), и символ, скрывающий неизвестное, и неизвестное, способное возвыситься до мифа» [Толмачев 2018: 332]. Е.А. Осьмина обнаруживает у Мережковского научный дискурс, опираясь на трилогию «Тайна Трех», «Тайна Запада», «Иисус Неизвестный», и определяет жанр «Иисуса Неизвестного» как религиозно-философский трактат

с включением художественных отрывков [Осьминина 2023: 149]. В.В. Полонский относит тот же роман к «метаисторической публицистико-философской прозе» [Полонский 2008: 110]. Он же указывает и на присутствие житийных традиций в эмигрантском творчестве Мережковского [Полонский 2005: 570–572]. А.В. Дехтяренко отмечает признаки соединения романа, биографического исследования и публицистики [Дехтяренко 2020: 58]. На сложность метода Мережковского, сплавливающего различные литературные жанры, указывает и Т. Пахмусс [Pachmuss 1990]. Об эклектическом типе мировоззрения Мережковского рассуждает О.А. Пчелина [Пчелина 2020].

На наш взгляд, поздние сочинения Мережковского — это явление культуры в широком смысле слова. Их сложно отнести к художественной литературе в ее строгом определении, это и не философский трактат, поскольку Мережковский широко использует художественные образы для изложения своих идей, это и не богословское сочинение, так как тексты далеки от богословских канонов. Говоря о специфике эмигрантских сочинений Мережковского, хотелось бы сослаться на высказывания эмигрантской критики. Широкий спектр мнений можно обнаружить и у современников писателя. Однако некоторые оценки заслуживают особого внимания, поскольку глубоко освещают природу его творчества. Методологию позднего Мережковского пытается определить Н. Бахтин в статье «Мережковский и история» [Бахтин 1926]. Все творчество писателя — «медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории... Для него познание прошлого — реальное общение в духе и лестница посвящений». Бахтин защищает Мережковского от обвинения в необъективном освещении исторических событий, утверждая, что «всякое осознание былого... роковым образом неадекватно», и определяет творчество писателя как мифотворчество. Бахтин не стремится выделять из живого многообразия поздних произведений писателя их схему или идейный остов, видя «главное обаяние Мережковского последних лет — именно в живом нарастании, переплетении, скрещивании многообразных мотивов и тенденций, по законам какого-то ему одному свойственного контрапункта».

В статье «Д.С. Мережковский (1865–1941)» М.О. Цетлин, подчеркивая внутреннее единство всех произведений писателя, определил его тему как «роль христианства в современной жизни». Литература для Мережковского — вторая, не менее глубокая реальность. Он никогда не был истинным поэтом и не имел глубокой связи с символизмом, отрицал эстетизм, искусство для искусства; «в новой религиозно-философской одежде возрождал идейность и тенденцию». «Мережковский не стремится к живописности, его романы

бледней и схематичнее, он художник как бы помимо воли. Для него романы только удобная форма, чтобы выявить антиномии и проблемы собственного духа, только своеобразные и длинные притчи и апологи. Он вкладывает в уста разных героев свои собственные мысли. Но, рожденные в духовном горении, из духовной проблематики, эти романы хранят печать духовного благородства». Цетлин оправдывает свободное обращение Мережковского с историческим материалом, защищая его от обвинений в историческом невежестве. Оправдание для Мережковского — высокая цель служения высшей правде. Его эссе построены на антитезах, иллюстрированных цитатами. Язык точный и чистый, насыщенный чувством и страстью. Цетлин отмечает некоторое ослабление оформляющей силы в эмигрантском творчестве Мережковского, но вместе с тем находит много глубокого и значительного, восхищается силой мысли и высоким напряжением духа, сохранившимся у писателя до глубокой старости [Цетлин 1942].

Своеобразие жанра позднего Мережковского определяет и Г.П. Струве в труде «Русская литература в изгнании» [Струве 1956]. Особенность метода писателя заключается в отказе от условной формы «исторического романа». Эмигрантские сочинения Мережковского Струве характеризует как художественно-философскую прозу, уточняя, что «это единственный в своем роде Мережковский». Мережковский проецирует настоящее в прошлое, что придает написанному злободневный интерес. Эсхатологические думы о Евангелии «Третьего Завета» заставляли автора подчинять себе (часто насильственно) героев житийных и биографических романов. Романы «перенасыщены эрудицией и культурой, но художественная плоть их беднее и суше, чем в лучших частях знаменитой трилогии. Часто стилистическая манера автора раздражает назойливым и навязчивым однообразием».

Соглашаясь со всеми высказанными выше замечаниями о позднем творчестве Мережковского, необходимо сказать, что в основе его лежит христоцентричная философия писателя. Христос — начало и вершина всех его философских построений. Все, что было в истории до прихода Христа, приготавливало и предсказывало его появление. Христос — величайшая Личность, соединившая Божескую и человеческую природу. Он пришел спасти мир, но мир его не узнал. Все, что происходит после, — дурная бесконечность истории, вражда и война бесконечная. «Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит?» (Иоанн, 3:8). Эта излюбленная Мережковским цитата из Иоанна повторяется в разных вариациях практически в каждом его романе. Роман «Иисус Неизвестный» — вершина философской концепции писате-

ля. Остальные романы, созданные в жанре романсированной биографии, повествуют об исторических Личностях, отмеченных, по мысли Мережковского, дыханием Святого Духа. Они стремятся приблизиться к Личности Христа и привести человечество к завершению земной истории, наступлению эсхатологического конца, установлению Царства Божия на земле, как на небе, которое должно произойти в Третьем Завете Духа-Матери. Фактически исключительная Личность становится движущей силой истории, но это не Личность, осуществляющая исторический прогресс, это и не ницшеанская богоборческая Личность, стремящаяся обойтись без Бога, это Личность, способствующая наступлению Благочестивого Конца, существованию человечества в эсхатологии, в Духе, во Христе. Поэтому говорить о влиянии Ницше на позднее творчество Мережковского не приходится. Скорее это преодоление влияния, отталкивание от ницшеанских идей. У Ницше воля к власти, достижение абсолютной полноты бытия, гордыня человека, отрицающего существование Бога. У Мережковского Личность, стремящаяся ко Христу, ведущая человечество к эсхатологии, Благочестивому Концу, через нее обнаруживается дыхание Святого Духа. Интересен выбор Мережковским исторических персонажей для своих романов. В один ряд поставлены святые католического мира, реформаторы и фигуры вполне светские: «Наполеон» (1929), «Лица святых от Иисуса к нам: Павел, Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (1938), «Данте» (1939), «Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль» (1941), «Испанские мистики: Святая Тереза Иисуса. Святой Иоанн Креста. Маленькая Тереза» (издана только в 1998 г.).

На примере анализа романа «Лютер» хотелось бы рассмотреть особенности осмысления христианства в эмигрантском творчестве Мережковского.

Следуя гегелевско-гераклитовской философии, Мережковский использует во всех своих произведениях триаду: тезис, антитезис, синтез. Первый Ветхий Завет — Бога Отца (дохристианское человечество), Второй Новый — Сына (историческое христианство), Третий — Духа-Матери (эсхатология, Царство Божие на земле). Два Завета друг с другом враждуют, а в Третьем согласуются. Эти представления Мережковского опираются и на учение средневекового монаха Иоахима Флорского.

Из одной формулы вырастают все образы романа. «Что такое Церковь? И что такое Личность? Что такое Христос?» — этими вопросами Мережковский начинает разговор о Лютере. И сразу, отсылая читателя к наследию Гете, обращается к его строкам: «Личность будь для человека / Высшим благом на земле...» [Ме-

режковский 2002: 5], называет немецкого поэта одним «из последних пророков Личности» и одним «из первых от нее отступников, делающих роковую для человеческой личности попытку оторвать ее от того единственно живого корня, на котором она растет и которым питается, — от Личности Божественной — Христа» [Мережковский 2002: 5]. В романе нет ни одного цельного персонажа — все антиномично. В истории не может быть гармонии, а лишь противоречия, гармония достижима только в эсхатологии. А потому Гете и величайший пророк Личности, и первый от нее отступник. «Ветвь человеческой Личности, отсеченная от лозы своей — Личности Божественной — Христа, не может уцелеть», по мысли Мережковского [Мережковский 2002: 6].

Из этого утверждения вырастает у Мережковского и противопоставление государства и церкви: «Государство, в лучшем случае, личности не видит, а в худшем — казнит. Церковь ставит Личность во главу угла, потому что сам Основатель Церкви есть первое и последнее, никогда не превзойденное и непревосходимое явление божественно-человеческой Личности» [Мережковский 2002: 7].

Углубляя эту антиномию, Мережковский обосновывает различия между Церковью и Государством: «Высшее в государстве — закон, т. е., в последнем счете, насилие над личностью. Высшее в Церкви — любовь, т. е. в последнем счете, воскрешающее освобождение личности. Государство приносит человека в жертву себе; в Церкви приносит в жертву Себя за человека Тот, Кого весь мир не стоит». [Мережковский 2002: 7]. Из пренебрежения к Личности Мережковский выводит и бесперспективность исторического прогресса и несостоятельность государственных систем ведущих держав XX столетия: «Как сильна в наши дни эта воля к безличности, видно из того, что на обоих полюсах нашей государственности — в коммунизме и фашизме — в самовластии всех над одним и самовластии одного надо всеми, — воля эта господствует одинаково. Противоположнейшие идейности во всем — фашизм и коммунизм — сходятся только в одном — в воле к безличности. <...> борются с Личностью как с исконным врагом своим; подавляют ее как ненужную для себя или вредную силу» [Мережковский 2002: 6].

Антиномичен у Мережковского и образ Лютера. Для него Лютер не просто великий реформатор церкви, он проводник человечества на пути к единой вселенской Церкви, царству Божию на земле. Мережковский относит его к плеяде Личностей, через которых «совершается неисследимое до какого-то последнего срока шествие духа в человечество, от Иисуса к нам» [Мережковский 2002: 8]. Однако для писателя образ Лютера не так однозначен. Мережковский говорит о движении «не одного Духа, а двух, Святого и Не-

чистого» и о великом борении между ними. «Слыша голос Духа, люди не знают, «откуда он приходит и куда уходит»: вот почему так часто и легко смешивают они голос Духа Божия с иным голосом, не от Бога идущим» [Мережковский 2002: 9].

Нужно сказать, что, создавая образ Лютера, Мережковский следует традиции Достоевского. Осмысление исторического христианства Мережковским восходит к идеям Достоевского, высказанным в поэме «Великий Инквизитор» в романе «Братья Карамазовы». Сравнительный анализ фрагментов произведений отчетливо это демонстрирует. Великий Инквизитор Достоевского, изгоняющий Христа во имя свое, вырастает в романе Мережковского в образ Папы — земного бога, дьявола, Антихриста. Мережковский приводит цитаты из исторических и богословских источников в подтверждение своих идей. Например, ссылается на мнение Эразма, используя его как беспристрастное свидетельство: «В общем растлении всего христианского мира жизнь так далеко отошла от евангельской, что для всех очевидно, как необходимо преобразование Церкви [реформа] <...> Мир томится такою жаждой евангельской истины, почерпнутой в самом ее источнике, что, если не открыть людям дверей, то они их выломают» [Мережковский 2002: 11]. «Лютер выломает двери, и хорошо сделает», — пишет Мережковский [Мережковский 2002: 11]. В этом и заключена его историческая миссия. «Это и значит: первая точка Церкви есть “то, что происходит <...>” между Христом, единственной Личностью Божественной, и личностью человеческой во Христе, тоже единственной. Третьего между ними двумя — посредника, Папы — не может быть» [Мережковский 2002: 13].

Мысль Достоевского об утрате свободы воли и объединении людей во всемирном общем и согласном муравейнике под властью Великого Инквизитора, рассуждения о преклонении перед силой чуда, власти и авторитета воплощаются у Мережковского в неприятии современных ему государственных устройств и социальных отношений в обществе.

Именно личный религиозный опыт Лютера высоко ценит Мережковский: «Этим-то *личным* религиозным опытом Лютер, вышедший или выпавший из Церкви, и нужен сейчас нам, тоже выпавшим из нее, нужнее всех, кто в ней остается. Этой-то волею к Личности мог бы он спасти и нас, погибающих так жалко и страшно, от воли к безличности» [Мережковский 2002: 12].

Но главное в учении Лютера для Мережковского то, что оно «пролагает между двумя Церквями, Восточной и Западной, путь к Единой Вселенской Церкви» [Мережковский 2002: 13]. Лютер становится для писателя провозвестником экуменизма. Ссылаясь на

высказывание самого Лютера, Мережковский видит его «дровосеком, прорубающим в лесной чаще просеку». «Лютер еще не вывел людей из того темного дикого леса, где заблудились они, как Данте в преддверии ада, но может вывести: все еще и донныне единственно верный путь христианского человечества — это Лютерова “просека”» [Мережковский 2002: 13].

В этом видится ему светлая сторона Лютера, но, согласно антиномическому мышлению Мережковского, есть еще и темная. Лютер не всегда может отличить Дух Божий от Иного, идущего не от Бога. «Неразличение Духов» — одна из роковых немощей Лютера, а другая — бессилие или недостаточная сила надежды» [Мережковский 2002: 13]. Отрекаясь от видимой Церкви, Лютер охладевает к «внешнему земному устроению Церкви» и предоставляет его Государству. И фактически свободная любовь ко Христу, на основе которой должна строиться истинная вера, оказывается подчиненной закону и насилию государства. Бунт, мятеж Лютера против католической Церкви и Папы Антихриста оборачивается бессилием: «Прежде я думал, что можно управлять людьми по Евангелию; но теперь я понял, что это — безумие: люди презирают учение Христа; чтобы ими управлять, нужен государственный закон, меч и насилие» [Мережковский 2002: 17].

Антиномия лежит и в основе отношения Лютера к католической Церкви. С одной стороны, бунт, отречение. «Я обличу эту буллу как нечестивую ложь... ибо она осуждает самого Христа... Вот когда я наконец убедился, что Папа — Антихрист, Рим — престол Сатаны», — восклицет Лютер, узнав о своем отречении от Церкви [Мережковский 2002: 15]. С другой стороны, Лютер предчувствовал, «что отказ его от Видимой Церкви есть отказ от последней надежды — отчаяние» [Мережковский 2002: 17]. «“Римскую Церковь я готов почтить со всем смирением... выше всего, что на небе и на земле, кроме одного Бога” <...> Видно по этому, что кровью изойдет сердце его от разрыва с Церковью и что, может быть, лучшую половину сердца он оставит в ней», — пишет Мережковский [Мережковский 2002: 17–18].

Мережковский идет по пути преодоления традиционной романной формы, предвосхищая «смерть» романа XX столетия. Жизнеописание Лютера не главная цель для писателя. Лютер нужен ему для воплощения собственных идей о создании вселенской Церкви, понимания исторического христианства, Личности Христа и евангельских истин. Приближаясь к жанру философского эссе при создании духовного портрета Лютера, писатель все-таки остается в рамках художественного осмысления действительности, создает художественные образы, используя поэтические фигуры языка,

прибегая к развернутым сравнениям и метафорам, апеллируя к ассоциативному мышлению. Создавая художественный образ Лютера-реформатора, Мережковский использует реальные биографические факты его жизни, опираясь на исторические и богословские источники, но преследует при этом цель не столько воссоздать духовный облик значимой исторической фигуры, сколько обосновать ее метафизическое, надмирное, вневременное значение. Роман Мережковского — это сплав философских умозаключений и художественных приемов и образов; безусловно, он далек от традиционной формы биографического и исторического романов. Это жанр романсированной биографии, «единственный в своем роде Мережковский», как говорили о нем современники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин Н. Мережковский и история // Звено. 1926. 24 янв.
2. Дехтяренко А.В. Блез Паскаль в творческом осмыслении Д.С. Мережковского // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2020. С. 52–62.
3. Игнатьева (Оганисьян) М.Ю. «Воображаемые линии»: источники «Св. Иоанна Креста» Д.С. Мережковского // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 4. С. 224–242.
4. Кулешова О.В. Притчи Дмитрия Мережковского: единство философского и художественного. М., 2007.
5. Мережковский Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Брюссель, 1990.
6. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики / Редкол.: О.А. Коростелев, А.Н. Николюкин, С.Р. Федакин. М., 2002.
7. Осьминина Е.А. Трилогия Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 145–150.
8. Полонский В.В. К проблеме «христианского кода» в творчестве Д.С. Мережковского периода эмиграции (1920–1930 годы) // Проблемы исторической поэтики. Т. 7. Петрозаводск. 2005. С. 562–575.
9. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX– начала XX века. М., 2008.
10. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX — первой половины XX в.: Опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Toronto Slavic Quarterly: Academic Journal in Slavic Studies. Toronto, 2016. No 57. С. 111–130.
11. Пчелина О.В. Эклектизм как мировоззрение: случай Д.С. Мережковского // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 92–101.
12. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956 // [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-teacher.ru/wp-content/uploads/2017/06/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B2%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B5.pdf> (дата обращения: 11.02.2024).

13. Толмачев В.М. Святой Наполеон // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М., 2018. С. 327–335.
14. Цетлин М.О. Д.С. Мережковский (1865–1941) // Новоселье. 1942. № 2. Март // [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/182711?ysclid=lsiq26vzah703391559> (дата обращения: 11.02.2024).
15. *Pachmuss T.* Merezhkovsky in exile: the master of the genre of biographie romances. New York, 1990.

REFERENCES

1. Bakhtin N. Merezhkovskii i istoriya [Merezhkovsky and History]. *Zveno*, 1926. 24 jun. (In Russ.)
2. Dekhtyarenok A.V. Blez Paskal' v tvorcheskom osmyslenii D.S. Merezhkovskogo [Blaise Pascal in the Creative Understanding of D.S. Merezhkovsky]. *Natsional'nye kody v evropeiskoi literature XIX–XXI vv. Literaturnyi kanon v kontekste mezkul'turnoi kommunikatsii. Kollektivnaya monografiya* [National Codes in European Literature of the XIX–XXI Centuries. The Literary Canon in the Context of Intercultural Communication. A Collective Monograph]. Nizhniy Novgorod, *Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky Publ.* 2020, pp. 52–62. (In Russ.)
3. Ignat'eva (Oganis'yan) M.Yu. «Vobrazhaemye linii»: istochniki «Sv. Ioanna Kresta» D.S. Merezhkovskogo ["Imaginary Lines": Sources of "St. John of the Cross" by D.S. Merezhkovsky]. *Studia Litterarum*, 2021, v. 6, no 4, pp. 224–242. (In Russ.)
4. Kuleshova O.V. *Pritchi Dmitriya Merezhkovskogo: edinstvo filozofskogo i khudozhestvennogo* [The Parables of Dmitry Merezhkovsky: The Unity of Philosophical and Artistic]. Moscow, Nauka Publ. 2007. 214 p. (In Russ.)
5. Merezhkovskii D.S. *Reformatory: Lyuter, Kal'vin, Paskal'* [Reformers: Luther, Calvin, Pascal. Brussels]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ. 1990. 404 p. (In Russ.)
6. Merezhkovskii D.S. *Sobranie sochinenii. Reformatory. Ispanskie mistiki* [Collected Works. Reformers. Spanish Mystics]. Editors: O.A. Korostelev, A.N. Nikol'yukin, S.R. Fedyakin. Moscow, Respublika Publ. 2002. 543 p. (In Russ.)
7. Os'minina E.A. Trilogiya D.S. Merezhkovskogo "Iisus Neizvestnyi" kak religioznofilosofskii traktat [D.S. Merezhkovsky's Trilogy "Jesus the Unknown" as a Religious and Philosophical Treatise]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023, vyp. 12 (880), pp. 145–150. (In Russ.)
8. Polonskii V.V. K probleme "khristianskogo koda" v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo perioda eh migratsii (1920–1930 gody) [On the Problem of the "Christian Code" in the Works of D.S. Merezhkovsky during the Period of Emigration (1920–1930)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. V. 7. Petrozavodsk. 2005, pp. 562–575. (In Russ.)
9. Polonskii V.V. Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka [Mythopoetics and genre dynamics in Russian Literature of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 2008. 288 p. (In Russ.)
10. Polonskii V.V. Russkii Dante kontsa XIX — pervoi poloviny XX v.: Opyty retseptsii i interpretatsii klassiki do i posle revolyutsionnogo poroga [The Russian Dante of the Late XIX — First Half of the XX Century: Experiences of Reception and Interpretation of Classics before and after the Revolutionary Threshold]. *Toronto Slavic Quarterly: Academic Journal in Slavic Studies*. Toronto, 2016, no 57, pp. 111–130. (In Russ.)

11. Pchelina O.V. Eklektizm kak mirovozzrenie: sluchai D.S. Merezhkovskogo [Ecclecticism as a Worldview: The Case of D.S. Merezhkovsky]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020, no 2, pp.92–101. (In Russ.)
12. Struve G.P. Russkaya literatura v izgnanii. N'yu-Iork, 1956 [Russian Literature in Exile. New York]. URL: <http://russian-teacher.ru/wp-content/uploads/2017/06/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B2%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B5.pdf> (accessed: 11.02.2024)
13. Tolmachev V.M. *Svyatoi Napoleon. D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': Sbornik statei* [Saint Napoleon. D.S. Merezhkovsky: The Writer as a Critic and Thinker. Collection of Articles]. Ed.-comp. O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, "Dmitrii Sechin", Litfakt Publ. 2018, pp. 327–335. (In Russ.)
14. Tsetlin M.O. D.S. Merezhkovskii (1865–1941) [D.S. Merezhkovsky (1865–1941)]. *Novosel'e*. 1942, no 2. Mart. URL: <https://biography.wikireading.ru/182711?ysclid=lsiq26vzax703391559> (accessed: 11.02.2024)
15. Pachmuss T. *Merezhkovsky in Exile: The Master of the Genre of Biographie Romancee*. New York, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1990. 338 p.

Поступила в редакцию 10.03.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 08.07.2024

Received 10.03.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 08.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Кулешова Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом культурологии ИНИОН РАН; kuleshova.o.v@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga Kuleshova — PhD in Philology, Leading Research Fellow, Head of the Department of Cultural Studies, INION; kuleshova.o.v@gmail.com